

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ФОРМА ЖИЗНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИТГЕНШТЕЙНА

*Работа представлена кафедрой истории философии
Санкт-Петербургского государственного университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор И. И. Евлампиев*

В статье обсуждается вопрос: почему неклассическая философия обращается к изучению феномена игры? На наш взгляд, это вызвано введением в проблемное поле философии понятия «иррациональное». Игра, понятая как форма жизни, позволяет снять оппозицию рациональное – иррациональное. Концепция языковых игр Витгенштейна подтверждает следующий тезис: рациональность, доведенная до предела, граничит с абсурдом.

Ключевые слова: игра, языковая игра, форма жизни, рациональное, иррациональное.

A. Korol'kova

LANGUAGE GAME AS A FORM OF LIFE IN THE WORKS OF WITTGENSTEIN

The article is aimed to answer the question: “Why did the non-classical philosophy turn its attention to the phenomenon of play?” In the non-classical paradigm of thinking play, interpreted as a form of life, became the way to reconcile the rational and the irrational. The concept of “language games”, elaborated by Ludwig Wittgenstein, proves the idea that rationality, taken in its ultimate form, leads to absurdity.

Key words: play, language game, form of life, rational, irrational.

Исследуя жизнь и творчество Людвиг Витгенштейна, мы стремились ответить на вопрос: что побудило австрийского логика обратиться к изучению феномена игры, и почему это обращение произошло в поздний период, после написания «Логико-философского трактата»? Примечательно, что и Кант, один из первых теоретиков игры, вводит понятие «игра» лишь в своей заключительной критике – «Критике способности суждения» (1790), призванной объединить, по замыслу немецкого философа, две предшествующие работы – «Критику чистого разума» (1781) и «Критику практического разума» (1788).

Решение этих вопросов оказалось связанным с проблемой рационального и иррационального как двух фундаментальных и конкурирующих начал человеческой природы, с одной стороны, и как двух парадигм философского мышления – с другой. Именно

в смысловом поле этой проблемы высвечивается как интерес отдельной личности Витгенштейна к игре, так и обращение неклассической философии в целом к изучению этого странного феномена. В чем же странность игры? Причина – в двойственной природе этого феномена, удивительным образом воссоздающего двойственность самого человека. Рациональность и иррациональность, свобода и закономерность, порядок и стихия присутствуют в игре, сохраняя диалогическое равноправие. Именно поэтому человек так любит играть, ведь в царстве игры он обретает утраченную целостность и гармонию: в игре «восстанавливается целостная природа человека, не принятая или извращенная обществом» [4, с. 305].

Понятие «игра» уникально, так как удерживает оппозиции «логика – жизнь», «рациональное – иррациональное» в рамках соб-

ственной семиотической сферы. В стремлении человека к игре угадывается желание восстановить равновесие в собственной душе, так как оно постоянно нарушается доминированием какого-то одного начала: чувственного или сверхчувственного, телесного или духовного, разумного или вожделеющего. Игра «служит как бы регулятором и коррективом реальности, придавая ей то, чего в ней недостает, внося в природную стихию начала организации, а в социальный порядок – начала импровизации» [4, с. 306]. По мысли Эпштейна, игра способна вернуть гармонию не только человеку, но и обществу, причем подобное преобразование наиболее явственно демонстрирует искусство.

Именно к игре как к спасению от гнета рациональности приходит автор «Логико-философского трактата». Принцип логичности и однозначности, доведенный Витгенштейном до предела, обнажил конфликт между идеальной чистотой логики и многозначностью языка жизни: «(Ведь кристальная чистота логики оказывается для нас *недостижимой*, она остается всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требованию чистоты грозит превращение в нечто пустое. – Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно *трение*. Назад, на грубую почву!» [1, с. 126]. Там, где правит чистая рациональность, нет места жизни, а там, где властвуют законы повседневности, идеальная точность оказывается ненужной. Этот конфликт между идеальной однозначностью логики и многообразием жизненных смыслов Витгенштейн разрешает путем установления пределов господству рационального, а также введением в проблемное поле «Философских исследований» феномена игры. В этой работе основным приемом Витгенштейна является вскрытие внутренней абсурдности логически безупречного хода мысли, что, на наш взгляд, еще раз подчеркивает следующую идею австрийского мыслителя: рациональность, доведенная до предела, граничит с абсурдом.

Вернемся к вопросу, который мы поставили в начале статьи: почему феномен игры впервые проблематизируется только в неклассической философии, оставаясь периферийной темой в классической парадигме мысли? Что заставило мыслителей усомниться в самоочевидности игры? В контексте предыдущих размышлений о границах рациональности становится ясно: в рамках рационального мышления, основанного на понятийных схемах, нет места игре. Игра содержит иррациональный остаток, который ускользает от интеллектуальных ловушек логики. Игра противится однозначным определениям, так как ее сущность не поддается рационализации: «Осмыслить игру – разве это не все равно что грубыми пальцами схватить крыло бабочки?» [3, с. 381]. Но именно эта неуловимость игры и делает ее столь привлекательной для философии иного типа рациональности. Неклассическая философия, обращаясь к опыту иррационального, открывает, наряду с измерением жизни, измерение игры. Теперь игра выходит на авансцену философского дискурса, становясь лейтмотивом творчества выдающихся мыслителей: Хейзинги, Бахтина, Гадамера, Деррида, Витгенштейна и др. Все эти философы указывают на то, что игра не является чем-то аксиоматичным: природа игры оказывается далекой от классической однозначности и заслуживает отдельного изучения.

Двойственность игры подчеркнута и в названии статьи «Языковая игра как форма жизни». Определение Витгенштейном языковой игры как формы жизни, на наш взгляд, может быть перенесено и на всю сферу игровой активности, ибо раскрывает ключевую особенность этого феномена – его амбивалентность. «Форма жизни» – это такой же оксюморон, как «свободная закономерность», «целесообразность без цели» или же «неопределенная согласованность», только внутренняя противоречивость этого выражения не столь явная и требует вдумчивого анализа. Форму можно определить в качестве упорядоченного единства или же стройной закономерности. Форма подразумевает, что установлены границы, и их действительные

очертания обладают определенной устойчивостью. Ткань жизни – это паутина возможностей, которая неизбежно рвется от попыток подчинить ее однозначной определенности. Форма в нашем понимании – это всегда нечто ставшее, завершённое, в то время, как жизнь проявляет себя в бесконечном становлении. Однако из того, что мы выражаем жизнь через становление, не следует, будто в ней нет ставшего. Именно это единство противоположных начал сближает жизнь и игру. Пусть утверждение в игре этих разнонаправленных векторов поможет в понимании витгенштейновской концепции языковых игр.

Наиболее развернутое обсуждение языковых игр мы находим в поздней работе Витгенштейна «Философские исследования» (1953). На первый взгляд, эта работа австрийского философа кажется абсолютно диффузной: в ней нет ни четко сформулированной проблемы, ни организованного начала, ни логически выведенного заключения. Без единого центра, без главной проблемы, этот текст Витгенштейна словно призван проиллюстрировать постмодернистский концепт ризомы. Однако именно такая форма написания соответствует замыслу автора: передать атмосферу обыденного языка – того языка, каким мы пользуемся в нашей повседневной жизни. А этот язык невозможно структурировать, как невозможно структурировать жизнь. Сам Витгенштейн, описывая множественные языковые игры, использует метафору волокна, противопоставляя ее линейной связности: «прочность нити создается не тем, что какое-нибудь одно волокно проходит через нее по всей ее длине, а тем, что в ней переплетается друг с другом много волокон» [1, с. 111].

Интересно, почему Витгенштейн выбирает игру в качестве основного понятия своей поздней философии, тесно связывая языковую игру с другими проявлениями игровой активности? Друг Витгенштейна, Норман Малкольм приводит в своей работе следующий любопытный и ценный для нашего исследования факт: «Однажды, когда Витгенштейн шел через поле, где в самом разгаре была игра в футбол, ему впервые пришла в

голову мысль, что в языке мы играем в *игры словами*. Основная идея его философии, понятие “языковой игры”, явно берет свое начало в этом событии» [2, с. 68]. Можно предположить, что концепт языковой игры пришел к австрийскому философу в виде интеллектуального озарения, в акте интуиции. Не последнюю роль в выборе этого понятия сыграл личный опыт автора, а именно, опыт обучения детей. Оказывается, смысл предложения вовсе не сводится к смыслу отдельных частей, как это стремились доказать представители логического позитивизма. Использование языка – это творческий процесс, и самому Витгенштейну с трудом удавалось подчинить свои мысли однонаправленному движению: «Мыслить принудительными рядами, последовательно – для меня мучение» [1, с. 438].

Возможно, именно в своих поздних философских произведениях: «Философские исследования», «О достоверности», «Культура и ценность» – Витгенштейн смог раскрыть свой творческий талант во всей полноте, ибо его уже не сковывал «логический каркас» собственных идей, и он мог задействовать самые разнообразные грани своей высокохудожественной натуры. С этой точки зрения интересно проанализировать примеры, используемые австрийским философом в перечисленных выше работах.

Невозможно предугадать, когда и с какой целью Витгенштейн обратится к очередному образному сравнению. Так, после весьма утомительного разбора девяти цветных квадратов философ вдруг перескакивает к совершенно неожиданной мысли: «Если я готов допустить, что мыши зарождаются из грязных тряпок и пыли, то было бы нехудо поточнее исследовать, не могли ли они когда-то спрятаться в них, как-то туда попасть и т. д.» [1, с. 104]. С не меньшим удивлением читается следующая иллюстративная находка мыслителя: «Процедура взвешивания куска сыра: укладка его на весы, отклонение стрелки, указывающее его вес и, следовательно, цену, – потеряла бы всякий смысл, если бы мы часто сталкивались с тем, что сыр внезапно и без всякой видимой причины

разбухал бы или же усыхал» [1, с. 136]. Комментарий самого автора по поводу необъяснимого разбухания или же усыхания сыра вызывает улыбку: «Это замечание станет яснее потом». Однако потом концептуальная ясность у читателя не только не прибавляется, но и вовсе стремится исчезнуть. А тем временем неистовая фантазия Витгенштейна набирает обороты: «А что, если предмет, в котором каждый из нас признает молоток, где-то в другом месте оказался бы, скажем, метательным снарядом или же дирижерской палочкой?» [1, с. 364]. Или же: «Почему моя правая рука не может подарить деньги моей левой руке?» [1, с. 177].

Примеры кажутся нелепыми, почти анекдотичными, ибо они не вписываются органично в ткань философского рассуждения мыслителя, а так и норовят разорвать искусственную сетку логических понятий. Сам Витгенштейн довольно иронично оценивает последовательность изложения собственных идей: «Здесь в моем мышлении пока еще большой пробел. И сомневаюсь, будет ли он восполнен» [1, с. 379]. Не менее самокритично звучит следующая фраза: «Я здесь склонен сражаться с ветряными мельницами, поскольку еще не могу сказать то, что, в сущности, хочу сказать» [1, с. 369].

Чем же объяснить столь внезапное появление в тексте шокирующих образов и сравнений? Примеры, согласно нашему предположению, призваны еще раз подчеркнуть мысль Витгенштейна о том, что языковая игра – это форма жизни. Сотканная из швабр, молотков и мышей, эти примеры являют собой необыкновенный сплав жизни и воображения автора. На наш взгляд, Витгенштейн стремился таким образом расшатать очевидности, сбить читателя с привычного хода мысли. Объяснить игру безупречно логично невозможно, однако мы в состоянии описать ее модусы, используя язык жизни. Если автор «Логико-философского трактата» апеллирует к логике, то создатель «Философских исследований» – ко всему жизненному опыту, к человеку в единстве всех его способностей. Витгенштейн стимулирует читателя к тому, чтобы самому восстановить мысли-

тельные лакуны и самостоятельно достроить недостающие логические связки, если это возможно.

Так, попробуем выявить скрытый подтекст такого авторского примера: «Представь, что вместо “Принеси мне швабру!” ты говоришь кому-то “Принеси мне палку и щетку, в которую она воткнута!” – Не прозвучит ли в ответ на это: “Ты просишь швабру? Почему же ты так странно выражаешься?” – Будет ли точнее понято детально проанализированное предложение?» [1, с. 108]. В этом фрагменте Витгенштейн ведет диалог с самим собой: автор концепции логического позитивизма спорит с основателем философии обыденного языка. Поздний Витгенштейн далек от поэтизации логики, ибо ее претензии на универсальное применение оказались неоправданными. В повседневной речи идеальная точность не нужна и даже абсурдна. Это подталкивает к мысли о том, что не всегда целесообразно заменять нечеткое – четким, спонтанное – упорядоченным, и наглядным доказательством этого выступает наш язык: «Путаницы, занимающие нас, возникают тогда, когда язык находится на холостом ходу, а не тогда, когда он работает» [1, с. 131].

Концепция языковых игр Витгенштейна рассеяна по страницам его философских исследований, что неизбежно вызывает вопросы к ее автору: Что не является языковой игрой? Удваивает ли Витгенштейн реальность? Каковы компоненты языковой игры? или Что превращает высказывание в языковую игру? Некоторые вопросы кажутся нам уже частично проясненными, в то время, как другие заставляют сознание бодрствовать. Так, опираясь на тексты Витгенштейна, мы полагаем, что не все является языковой игрой, а лишь то, что включено в коммуникацию, то, что несет смысл для другого. Иными словами, не каждое слово и не каждый поступок есть языковая игра, а только то, что имеет послание другому. Тогда становится понятным определение языковой игры как особой формы речевой коммуникации, основанной на правилах, но не скованной ими.

Однако решение одного вопроса рождает ряд новых затруднений. Если доведенная до предела рациональность заставляет авторов логически стройных систем мысли искать спасения в поле иррационального, обнаруживая там игру, как это случилось с Кантом и Витгенштейном, то почему Ге-

гель, творец наиболее полной и развернутой теории рациональности, не пришел к кризису оснований и не выразил на страницах своих работ желания сбежать из созданного им же «царства теней»? Последуем примеру Витгенштейна и адресуем этот вопрос читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Ч. I. 612 с.
2. *Малкольм Н.* Людвиг Витгенштейн: Воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. 352 с.
3. *Финк Э.* Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. 552 с.
4. *Эпштейн М. Н.* Постмодерн в русской культуре. М., 2005. 495 с.

REFERENCES

1. *Vitgenshteyn L.* Filosofskiye raboty. M., 1994. Ch. I. 612 s.
2. *Malkol'm N.* Lyudvig Vitgenshteyn: Vospominaniya // Lyudvig Vitgenshteyn: chelovek i myslitel'. M., 1993. 352 s.
3. *Fink E.* Osnovnyye fenomeny chelovecheskogo bytiya // Problema cheloveka v zapadnoy filosofii. M., 1988. 552 s.
4. *Epshteyn M. N.* Postmodern v russkoy kul'ture. M., 2005. 495 s.